

Он повернулся и продолжил смотреть в рабочую тетрадь, заметив, что сосед по парте снова ошибся в только что объяснённой задаче, и ругнулся:

— Ты что, свинья? Такую простую задачу не можешь решить, только время зря тратишь.

Лицо соседа то краснело, то бледнело, наконец, он забрал тетрадь и сказал:

— Извини, я лучше у кого-нибудь другого спрошу.

— ?

Цзи Бэйчуань не мог поверить своим глазам.

Всегда послушный сосед по парте взял тетрадь и направился назад, протискиваясь к Цзянь Шиу, чтобы послушать объяснение. Это было словно пощёчина. Его результаты были куда лучше, чем у этого жирдяя, почему они не идут к нему, а идут к жирдаю?

Ладно, этот жирдяй и задач-то знает всего несколько, когда дойдут до сложных задач, этим людям всё равно придётся возвращаться и умолять его, тогда они и поймут свою ошибку!

Думая об этом, Цзи Бэйчуань снова самодовольно улыбнулся, терпеливо ожидая, пока Цзянь Шиу опозорится.

...

Действительно, здесь столкнулись с задачей, которую не могли решить.

Цзянь Шиу нахмурился, честно признав:

— Не выходит.

Другие ученики тоже расстроились:

— Что делать?

— У других спросить.

— А я не хочу, отличники сами заняты решением, да ещё и ругают...

Все были в замешательстве, как вдруг «Обезьяна» рядом показал значительную улыбку, прочистил горло:

— Староста точно знает эту задачу.

Эти слова словно пробудили всех.

Все посмотрели на Шэнь Чэна. Юноша, сидевший во втором ряду, держался прямо, и даже на расстоянии чувствовалась его холодная, отчуждённая аура. В то время как другие отличники решали задачи, он сидел выпрямившись, держа в руках книгу, выглядя гораздо более расслабленным.

Но —

— Я не осмеливаюсь идти к старосте.

— Староста никому не объясняет задачи.

— Я просто рядом с ним волноваться начинаю, не то что просить о помощи.

Все заговорили разом, но никто не решался.

Обезьяна толкнул Цзянь Шиу:

— Ты сходи, попроси своего Шэнь Чэна помочь.

— ?

На толстом лице Цзянь Шиу читался шок, он запнулся:

— Ты что, крышей поехало? Я... я тоже не смею.

Кроме того вечера дома, когда он просил объяснить задачу, он больше никогда не осмеливался идти к Шэнь Чэну, ладно?

Обезьяна похлопал его по плечу, полный уверенности:

— Из всех нас здесь только ты смеешь. Подумай хорошенько, кто ещё осмелился два года подряд писать Шэнь Чэну любовные письма? Кто осмелился занимать у него деньги на еду? Кто осмелился после школы не идти домой, а следовать за Шэнь Чэном? Всё это ты сделал, и ты ещё говоришь, что чего-то боишься?

— ...

Всё это было недоразумением.

Цзянь Шиу хотел оправдаться, но обнаружил, что даже не знает, как это объяснить!

Обезьяна добавил:

— Мы здесь все не сможем, но ты точно сможешь.

Другие ученики тоже с надеждой посмотрели на Цзянь Шиу, все их надежды были возложены на толстяка. Шэнь Чэн не станет объяснять им, но с толстяком это не определено.

Под давлением всеобщих взглядов Цзянь Шиу нехотя медленно встал, собравшись с духом:

— Я только попробую, не факт что получится.

Все энергично закивали.

Цзянь Шиу взял тетрадь и встал, под взглядами всех направившись к Шэнь Чэну, что-то сродни идущим на казнь — можно было подумать, что он идёт взрывать дот.

Цзянь Шиу медленно добрался до стола Шэнь Чэна.

Шэнь Чэн сидел на стуле и читал книгу.

— Староста, — Цзянь Шиу держал в руках тетрадь, его глаза смотрели на Шэнь Чэна. — У тебя есть время? Мне нужно кое-что спросить.

Шэнь Чэн поднял голову. У юноши было холодное лицо, в молчании от него исходило ощущение отчуждённости, глаза были черны как нефрит, тонкие губы слегка приоткрылись:

— Если бы не было времени, ты бы не спросил?

— ...

Лицо толстяка Цзянь Шиу почему-то покраснело.

— Кхм.

Ожидавшие в четвёртом ряду люди боялись, что он струсит, и поспешили подать голос, напоминая ему.

Цзянь Шиу глубоко вдохнул и решился:

— Есть задача, которую я не могу решить, можешь помочь мне глянуть?

Сказав это, он был готов к отказу. Подумал, что ничего страшного — за эти годы, пока он добивался Шэнь Чэна, он получал отказов и не так, что ему ещё терять лицо? Он задержал дыхание, ожидая, чуть успокоив дыхание. Возможно, из-за того, что сзади на него смотрело много людей, он почему-то очень волновался. Глядя на холодное лицо Шэнь Чэна, на душе у него было кошки скребли.

Шэнь Чэн отложил книгу, перед ним оказались длинные пальцы, он сказал:

— Дай.

— Хм?

Цзянь Шиу ещё застыл с вопросительным лицом, а Шэнь Чэн уже забрал тетрадь у него из рук. Он бегло взглянул на условие, указал на один столбец:

— Здесь посчитал неверно.

Цзянь Шиу подался ближе.

На черновике сильный почерк Шэнь Чэна был приятен глазу как произведение искусства. Кончик его пера скользил по бумаге, оставляя ряды красивых цифр, голос был холоден как горный ручей, объяснение было кратким и понятным, и он указал, в чём именно ошибся Цзянь Шиу.

Толстяк полностью понял:

— Так оно и есть, теперь я умею.

Шэнь Чэн вернул ему тетрадь.

Под взглядами всех толстяк вернулся с победой, другие ученики тоже немного опешили. В их сердцах староста был действительно неприступен, обычно не любил общаться с другими, казался человеком, не знающим жалости, но только что все видели, как Шэнь Чэн объяснял задачу Цзянь Шиу, очень терпеливо, и даже если толстяк иногда не понимал, он не злится. В отличие от обычных представлений толпы, Шэнь Чэн показал неожиданную нежность к этому неуклюжему мальчику.

Таков ли настоящий характер старосты, и они просто раньше этого не замечали, или Шэнь Чэн относится так только к одному Цзянь Шиу?

У каждого были свои мысли.

Цзянь Шиу вернулся в толпу, помахал тетрадью и улыбнулся:

— Справился!

Все переглянулись и издали радостные возгласы.

Далее Цзянь Шиу начал объяснять остальным:

— Эта задача на самом деле простая, ход наших мыслей был в целом верным, просто направление было неверным, эту формулу нужно разбить на части...

Сложная задача после разбора Шэнь Чэном превратилась в мелкие части, а после объяснения Цзянь Шиу была решена системно.

Все закивали:

— Так и есть, после твоих слов это вроде бы и правда просто!

Теперь все были воодушевлены, словно сносили всё на пути, полные сил:

— Следующая задача, следующая!

Цзянь Шиу передвинул ручку к следующей задаче:

— Эм...

Кончик ручки замер. Толстяк из последних сил решил задачу, потом сверился с ответами и обнаружил, что результат неверен.

Атмосфера стала немного неловкой.

Кун Вэньцзин сказала:

— Может, задачи в тетради стали сложнее?

Цзянь Шиу положил ручку, смущённо почесал голову:

— Наверное, я просто не решил.

В прошлый раз он сдал экзамен хорошо во многом потому, что Шэнь Чэн выделил для него главное, и ему нужно было только разобраться в типах задач, отмеченных Шэнь Чэном в пределах этой важной области.

Задачи в тетради охватывали более широкий круг вопросов, что сразу же заставило Цзянь Шиу растеряться и выявило недостатки.

Обезьяна сказал:

— Сходи ещё спроси у старосты.

Другие тоже подхватили:

— Спроси ещё раз!

— ...

Цзянь Шиу с тяжестью поднялся, словно на казнь.

Через некоторое время толстяк вернулся с победой, получив ход решения у Шэнь Чэна, и снова смог объяснить другим, взявшись за ручку.

Хотя этот способ был неплох, у него был и недостаток: они не успели решить много задач, и до экзамена оставалось всего пять-шесть дней, а их эффективность была действительно низкой. Все обсудили и придумали способ.

На следующий день

Снова большая перемена, снова задача, которую не могли решить.

Шэнь Чэн читал книгу, рядом появилась знакомая фигура. Толстяк держал в руках тетрадь, на лице застыла застенчивая улыбка, а за ним стояла небольшая группа людей, все держали тетради и смотрели на него. Во главе шёл Цзянь Шиу и улыбнулся:

— Привет.

Шэнь Чэн приподнял веки, безмолвно спрашивая.

Толстяк почесал затылок и представился:

— Потому что эту задачу мы все не можем решить, поэтому...

В воздухе на мгновение повисла тишина.

Шэнь Чэн заметил, что смелость Цзянь Шиу может расти всё больше. Другого он не умел, а вот умение лезть не в своё дело у него было доведено до совершенства. Раньше он ещё как-то сдерживался, не известно, кто дал ему такую смелость, но сейчас он становился всё наглее.

Поскольку он молчал, остальные тоже немного напряжённо задержали дыхание.

Хотя Шэнь Чэн обычно не общался с другими, большинство относилось к нему с почтением и страхом.

Толстяк боялся отказа, немного нервничал и поспешно добавил:

— Всего, всего одну задачу.

<http://bllate.org/book/16727/1538198>